

Д.А. Редин<sup>1</sup>  
*Екатеринбург*

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА  
В. И. ГЕННИНА КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА  
ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ  
ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА  
В 1720-е – НАЧАЛЕ 1730-х гг.<sup>2</sup>**

Генерал В.И. Геннин, строитель Екатеринбурга, был одним из основателей Екатеринбургского ведомства – особой административно-территориальной единицы на Среднем Урале, которая не подчинялась местным губернским властям и имела статус ведомственной провинции, подчиненной центральному органу власти – Берг-коллегии. Одновременно на территории ведомства, в Екатеринбурге, был создан региональный орган власти, который управлял всеми горно-металлургическими заводами востока Российской империи, в том числе и теми, которые располагались далеко за пределами границ самого ведомства. Начало формирования такого эксклюзивного положения было предпринято предшественником Геннина, В. Н. Татищевым. Но только при генерале оно стало цельным и устойчивым. Достижение эксклюзивного статуса происходило в административном противоборстве с сибирской губернской администрацией. Едва ли не ключевую роль в этом играла борьба за право горнозаводских властей осуществлять правосудие и обеспечивать правопорядок на ведомственных территориях. Генерал Геннин, обладавший значительным служебным статусом, чрезвычайными полномочиями и личным расположением царя, претендовал на роль руководителя, которому были бы подсудны все лица, имевшие отношение к горнозаводской деятельности, включая местных воевод и комиссаров. Хотя ему не удалось в полной мере реализовать свои замыслы, он сумел добиться экстерриториальности ведомства и создал внутри него специализированную систему управления, основанную на коллежских камералистских началах. Она включала в себя и органы суда и полиции, чьи полномочия распространялись на всех жителей ведомства.

*Ключевые слова:* В. Н. Татищев, В. И. Геннин, Екатеринбург, Екатеринбургское ведомство, Сибирское высшее горное начальство, Сибирский обер-бергamt, правопорядок, подсудность, отраслевое управление.

---

<sup>1</sup> *Редин Дмитрий Алексеевич* – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: landrat14@mail.ru

<sup>2</sup> Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция». Грант РФФИ «Ментальное государство» Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.» (2020–2022 гг., № 20-09-42022); грант РФФИ – Свердловская обл. «Екатеринбург первой четверти XX века: городская повседневность и культурный ландшафт» (2020–2022 гг., № 20-49-660002).

**THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITY OF GENERAL V.I. GENNIN AS AN  
INSTRUMENT OF THE STRUGGLE FOR THE FORMATION OF THE  
ADMINISTRATIVE EXTRATERRITORIALITY OF THE MINING  
DEPARTMENT IN THE 1720S AND EARLY 1730S.**

General V.I. Hennin, the builder of Yekaterinburg, was one of the founders of the Yekaterinburg department - a special administrative-territorial unit in the Middle Urals, which did not obey the local provincial authorities and had the status of a departmental province subordinate to the central authority - the Berg Collegium. At the same time, on the territory of the department, in Yekaterinburg, a regional authority was created, which controlled all mining and metallurgical plants in the east of the Russian Empire, including those that were located far beyond the borders of the department itself. Hennin's predecessor, V. N. Tatishchev, undertook the beginning of the formation of such an exclusive position. But only under the general did it become whole and stable. Exclusive status was achieved in an administrative confrontation with the Siberian provincial administration. Almost a key role in this was played by the struggle for the right of the mining authorities to administer justice and ensure law and order in the departmental territories. General Gennin, who possessed a significant official status, extraordinary powers and the personal disposition of the tsar, claimed the role of a leader who would have jurisdiction over all persons involved in mining activities, including local voivodes and commissars. Although he did not manage to fully realize his plans, he managed to achieve the extraterritoriality of the department and created within it a specialized management system based on collegiate cameralist principles. It included both the courts and the police, whose powers extended to all residents of the department.

*Keywords:* V. N. Tatishchev, V. I. Gennin, Yekaterinburg, Yekaterinburg department, Siberian higher mining authorities, Siberian ober-bergamt, law and order, jurisdiction, branch management.

Имя Вилима Ивановича (Георга Вильгельма) Геннина, бесспорно, находится в перечне имен выдающихся деятелей Петровского царствования, а для Екатеринбурга это просто культовая фигура, поскольку, являясь одним из его отцов-основателей, он заложил фундамент дальнейшего развития города как одного из крупнейших центров на административной карте России. Геннин был одним из наиболее квалифицированных специалистов своего времени в области горного дела и металлургии, но при этом – опытный администратор, обладавший стратегическим мышлением, удивительной энергией и честностью – качеством, очень редким для управленца, по крайней мере, для управленца описываемого исторического периода.

Приняв руководство над горнозаводской отраслью востока империи, среди прочих проблем и забот генерал с первых же шагов своего пребывания на Урале вынужден был заняться вопросами охраны правопорядка, причем в необычайно широком диапазоне. Нельзя сказать, чтобы эти аспекты деятельности В. И. Геннина были

обойдены вниманием историков; укажу лишь на некоторые новейшие исследования<sup>3</sup>.

Целью настоящей статьи следует определить, во-первых, краткое, но по возможности емкое обобщение имеющихся сведений об этой стороне генеральской службы, а во-вторых (и это главное), проанализировать, каким образом меры по охране правопорядка способствовали усилению автономии и экстерриториальности региональных горнозаводских властей и насколько соответствовали духу и букве административного законодательства последних лет петровского царствования.

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленных сюжетов, думается, было бы не лишним вкратце напомнить, что представляла собой ведомственная горнозаводская администрация накануне прибытия на Урал В. И. Геннина.

Необходимость формирования особого управления отраслью на региональном уровне прекрасно понимал предшественник генерала – В. Н. Татищев. Отсутствие такого аппарата было одной из причин плачевного состояния казенных предприятий, построенных на Урале в самом начале столетия. Кроме того, начавшиеся в конце 1710-х гг. большие административные реформы, основанные на глубоком убеждении царя в продуктивности и жизнеспособности камералистской «теории», всей своей логикой подводили к организации ведомственных властных вертикалей, которые соответствовали одной из главных добродетелей «хорошо организованного государства» – специализации управления.

В. Н. Татищев, отлично разбиравшийся в современной ему теории и практике администрирования, предпринял правильные шаги в этом направлении. Он не только создал иерархию местных горных начальств, но и попытался создать на землях, отведенных под казенные заводы и занятых приписанными к ним сельскими поселениями, территориально-административные единицы ведомственного подчинения, выведя последние из-под власти общегражданских властей (воевод и губернатора). Если деятельность Татищева по организации

---

<sup>3</sup> *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.: Новосибирск: Древлехранилище, 2003; *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М.: РОС-СПЭН, 2003; *Бородин Е. В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012; *Корепанов Н. С.* Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006; *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007; *Серов Д. О., Федоров А. В.* Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2019;

Сибирского высшего горного начальства и подчиненных ему горных начальств исследована очень хорошо, то история с созданием административно-территориальных единиц – горнозаводских дистриктов, известна меньше. Но именно эти первые дистрикты, которые В. Н. Татищев успел создать до своей отставки по аналогии с «гражданскими» дистриктами, виртуозно используя для этого законодательные акты второй областной реформы, заложили основу существования Екатеринбургского ведомства – целой провинции специального управления с центром в одноименном городе.

При всей перспективности татищевские начинания не были доведены до логического завершения. Причин тому много; одна из существенных – невысокий служебный ранг Василия Никитича, скромный объем должностных полномочий. Даже внутри местной системы горного управления не было согласия. Член Выснего горного начальства берг-рат И. М. Михаллис, в силу более высокого (подполковничьего) ранга, собственных амбиций и невнятной позиции Берг-Мануфактур-коллегии оспаривал (и не безуспешно) приоритет капитана Татищева, создавая ситуацию двоевластия<sup>4</sup>. Претензии В. Н. Татищева на особую юрисдикцию не воспринимались и губернской властью, что проявлялось даже в формальностях. Так, например, указы, рассылаемые Большой Тобольской (губернской) канцелярией поступали непосредственно комиссарам горнозаводских дистриктов, минуя Выснее горное начальство (о чем свидетельствует изучение внутренней учетно-контрольной документации Уктусского дистрикта, первого из горнозаводских, созданных за 1722 г.)<sup>5</sup>.

Да что указы – власть новорожденной отраслевой администрации не распространялась даже на все казенные заводы. Напомню в качестве примера, что особым административным положением пользовались Каменские заводы, которые управлялись комиссарами, назначенными губернской канцелярией: 24 марта 1721 г. указом последней татищевским уполномоченным было отказано в праве освидетельствования этих предприятий<sup>6</sup>. Отправка государственных крестьян для работы на заводские нужды тоже долго находилась в руках местных воевод. В частности, лишь в марте 1721 г. указом сибирского губернатора кн. А. М. Черкасского была осуществлена приписка ряда слобод к Алапаевскому заводу<sup>7</sup>; на их основе Татищев организовал второй ведомственный дистрикт – Алапаевский<sup>8</sup>.

<sup>4</sup> Киселев М. А. Выснее горное начальство в Соликамске (1722–1724 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6.

<sup>5</sup> ГАСО, Ф. 575, Оп. 1, Д. 1, Л. 2–79.

<sup>6</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9, Л. 79–79 об.

<sup>7</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9, Л. 82–83 об.

<sup>8</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 3122, Л. 1–1 об.

Особенно ревностно губернские власти оберегали свои судебные полномочия. Во-первых, потому, что по старой русской традиции они считались неотъемлемой частью властных полномочий любого начальствующего лица. Во-вторых, хотя с 1719 г. судебная власть отделялась от общеадминистративной, на практике суды, включая надворные (органы общей юрисдикции второй инстанции), оказывались подконтрольны губернаторам. Попытки Татищева и его земских комиссаров – руководителей дистриктов – осуществлять судебную власть даже по отношению к приписным крестьянам решительно пресекались из Тобольска. Показательным примером может служить указ от 20 марта 1721 г., подписанный сибирским губернатором кн. А. М. Черкасским и вице-губернатором А. К. Петрово-Солововым и адресованный В. Н. Татищеву. В нем в беспелляционном тоне горному командиру указывалось на недопустимость вмешиваться в судебные дела и определять наказания лицам, не относящимся к категории горных служителей<sup>9</sup>. Таким образом, руководителя губернии отказывали горнозаводским властям в самом праве полноценной реализации правоохранительной деятельности, оценивая такие попытки как посягательство на юрисдикцию учреждений и чинов общего управления.

Ситуация заметно поменялась с приездом на Урал осенью 1722 г. генерал-майора артиллерии В. И. Геннина. Во-первых, никто в Сибирской губернии, кроме губернатора, не обладал таким высоким личным служебным статусом (напомню, что генерал-майор артиллерии, что само по себе являлось более чем значительным званием, по петровской табели о рангах соответствовал армейскому генерал-лейтенанту). Во-вторых, за плечами генерала был опыт руководства Олонецкими казенными заводами, на которых он показал себя бескомпромиссным и властным командиром, не позволявшим посягательств на свои прерогативы. Но самое главное, Геннин пользовался безграничным доверием царя и имел статус его личного посланника, имея полномочия руководителя следственной комиссии. И хотя основным поручением в этом смысле было расследование деятельности В. Н. Татищева, царский указ предписывал также, чтобы «все худые порядки, которые к заводам противны, исправить и исследовать»<sup>10</sup>. Это ставило генерала над ведомственной горнозаводской администрацией и позволяло весьма широко толковать пределы своей служебной компетенции. Конечно, он не преминул распространить свою власть и на судебную сферу.

Чтобы не повторяться, поскольку событийный ряд действий В. И. Геннина на этом направлении хорошо изложен в литературе, на-

<sup>9</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9, Л. 79–79 об.

<sup>10</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 17, Л. 14 об.

помню, что он одновременно проявил себя по всему спектру правоохранительной деятельности. Помимо следствия над Татищевым, Геннин учредил первый на Урале военный суд – кригс-рехт, действовавший за рамками собственно воинских частей. Дело в том, что, возглавив строительство Исетского завода, названного по завершению Екатеринбург, генерал получил в свое распоряжение значительный воинский контингент из Тобольска. Солдаты стали важной рабочей силой на стройке, а из офицеров присланных подразделений сложился кригс-рехт под председательством старшего из них, майора Иоганна Бриггаузена. Полномочия этого суда распространялись не только на военных, но и на всех, имевших отношение к работам по возведению крепости и завода. Таким образом, этот суд стал выполнять функции более широкие, чем предусматривало военное законодательство, превратившись в орган охраны правопорядка в целом, в том числе по расследованию и наказанию уголовных преступлений среди гражданских лиц.

Другим, гораздо более масштабным, направлением судебной деятельности генерала стал широкий розыск по должностным преступлениям, процветавшим среди местных администраторов разного ранга. Все эти преступления были связаны с вымогательством взяток, порой очень жестоким вымогательством, сильно осложнявшим жизнь местным крестьянам, подрывавшим их платеже- и работоспособность. Начав уголовное преследование лихоимцев, Геннин, как небезосновательно писал Д. О. Серов, «значительно превысил свои должностные полномочия», поскольку последние «не распространялись на должностных лиц местных органов власти»<sup>11</sup>. Но не думаю, что генерал действовал совсем уж по «порыву души», без оглядки на действующее законодательство. Определенную нормативную почву ему, безусловно, давал знаменитый петровский указ от 24 декабря 1714 г., направленный на искоренение коррупции. В нем совершенно однозначно формулировалось: «... всё то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление», в связи с чем ниже повелевалось «всем чинам, которые у дел приставлены... какое звание оные не имеют, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать...»<sup>12</sup>.

В. И. Геннин, с первых шагов своего появления на Урале распорядившийся публично читать этот указ под барабанный бой, взялся за дело с таким напором и размахом, что повел наступление не только на взяточников низового звена, но и на губернскую номенклатуру: земского камерира и надворных судей. Однажды, зимой 1723/24 г., он лично нагрянул в Тобольск и навел там такого страха, что один

<sup>11</sup> Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. С. 379.

<sup>12</sup> ПСЗ, т. 5, № 2871.

из наиболее коррумпированных членов надворного суда, майор А. Коротаев, спрятался от него на своей квартире, сказавшись больным<sup>13</sup>.

Имея возможность напрямую обращаться к кабинет-секретарю А. В. Макарову и лично к государю, В. И. Геннин выступал прямо-таки с революционными инициативами по реорганизации местного управления, предлагая подчинить себе воевод, руководивших уездами, на которых располагались заводы и рудники<sup>14</sup>, и, касаясь святой святых – политического сыска – рассматривая возможность не отправлять обвиняемых по «слову и делу» лиц в Преображенский приказ, а проводя по доносам предварительное следствие в Тобольске силами уполномоченного Преображенским приказом офицера, который бы постоянно жил в сибирской столице, и губернатора. Подробно эту идею Вилим Иванович изложил в письме к главе политического сыска России кн. И. Ф. Ромодановскому<sup>15</sup>.

Разумеется, такая активность пришлась не по нраву губернским администраторам. Кн. И. С. Козловский, глава Тобольского надворного суда и фактически исправлявший должность губернатора в 1723–1726 гг., предпринимал немало усилий, чтобы остановить генерала, подавая жалобы в Юстиц-коллегию на то, что он нарушает принципы разделения юрисдикций, предписанные новым законодательством. В конечном итоге, Юстиц-коллегия указала на это Геннину, а ухищрениями тобольских властей удалось вывести из-под ответственности большинство арестованных им комиссаров. Но для укрепления статуса и влияния горнозаводской администрации усилия В. И. Геннина не прошли даром. Он сумел расширить территорию, непосредственно подчинявшуюся Сибирскому обер-бергамту (как с его приездом стало именоваться Сибирское высшее горное начальство) в Екатеринбурге, учредив в 1723 г. еще два ведомственных дистрикта: Каменский и Камышловский, и добился полного контроля над населением этой территории, включая право на осуществление судебно-следственных и полицейских действий.

Оценивая деятельность В. И. Геннина, Д. О. Серов писал, что такое стремление генерала к экстерриториальности и эксклюзивности служебных полномочий, проявленная еще в годы руководства Олонецкими заводами, безусловно, питавшаяся не личными амбициями, а стремлением устранить любые помехи в организации эффективного промышленного производства, свидетельствовала о том, что он не

<sup>13</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 216, Л. 211 и далее.

<sup>14</sup> Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 89, 105–106, 110

<sup>15</sup> ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 19, Л. 15–17.



разделял европейской идеи разделения властей. По мнению историка, Геннин, получивший управленческий опыт в России, понял, что идея суда, независимого от администрации, была абсолютно неорганична тогдашним российским условиям<sup>16</sup>. Став, таким образом, сторонником жесткого единоначалия, генерал как бы оказался поборником приказных методов управления, присущих дореформенной России. Такая оценка в свое время привело нас к периодически возобновлявшейся дискуссии. С моей точки зрения, система управления, созданная Генниным на Урале, напротив, являлась едва ли не образцовой с точки зрения популярных в то время камералистских идей, нисколько не сообразных с приказно-воеводскими принципами организации администрирования.

Время показало, что в нашем споре не было однозначно правых. Ярко выраженное стремление В. И. Геннина к административной независимости в самом деле было следствием хорошо усвоенных им российских реалий. А в соответствии с ними отвечать за возглавляемое дело мог лишь тот начальник, за которым было больше формальных и неформальных полномочий. Иными словами, большая ответственность требовала больших возможностей. Добившись таковой в трудной и многолетней борьбе с конкурентами, Геннин внутри своего «горнозаводского царства» создал структуры, отлично соответствовавшие административным трендам времени. Под его руководством образовалась ведомственная провинция с собственной территорией, населением и центром – Екатеринбургом. Она состояла из 4 дистриктов-уездов со своими комиссарами-воеводами и их канцеляриями. Она управлялась высшим органом власти – Сибирским обер-бергамтом во главе с Главным командиром сибирских и пермских заводов, номенклатурой губернаторского ранга, и в этом обер-бергамте управление и делопроизводство были организованы на коллегиальных началах и в полном соответствии с Генеральным регламентом – не каждая губернская канцелярия могла похвалиться таким соответствием.

Сибирский обер-бергамт, подобно Сенату, имел в своем подчинении сеть контор и канцелярий, организованных по принципу отраслевого управления. Екатеринбургская заводская контора курировала производственно-технические процессы; ей подчинялись конторы и заводские комиссары отдельных казенных заводов. Екатеринбургская земская контора контролировала административно-полицейские дела ведомства, делея судебные полномочия с Екатеринбургской судной канцелярией (позже, в первой половине 1730-х гг., они объединятся в Екатеринбургскую контору судебных и земских дел); под ведением этого учреждения находились земские конторы и земские комиссары

<sup>16</sup> Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. С.374.



горнозаводских дистриктов. Екатеринбургская казенная контора, ведавшая финансами, и Екатеринбургская припасная контора, отвечавшая за приход и расход провианта, являлись аналогами губернских камерирских контор и рентерей.

В силу специфики горного ведомства при Сибирском обер-бергамте существовала Екатеринбургская контора надзирания лесов. Таков был административный итог упорной борьбы В. И. Геннина с губернскими властями за достижение ведомственной экстерриториальности. Едва ли не самой заметной её составляющей была борьба за право осуществления собственной правоохранительной деятельности. Он заложил фундамент «Екатеринбургского ведомства», которое по всем признакам стало «своеобразной “горнозаводской провинцией”», территорией с особым управленческим статусом, порожденной петровскими реформами в сфере промышленности<sup>17</sup>.

#### Библиография

1. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 406 [2] с., ил., табл.
2. Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003. 408 с.
3. Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 308 с.
4. Киселев М. А. Вышнее горное начальство в Соликамске (1722–1724 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 424–427.
5. Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 280 с.
6. Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург: Изд-во Уральской академии госслужбы, 2001. С. 29–44.
7. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007. 608 с.
8. Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2019. 432 с.

---

<sup>17</sup> Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург: Изд-во Уральской академии госслужбы, 2001. С. 35.